

И. В. Побережников

УРАЛ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ*

Существует множество работ по истории Урала, рассматривающих различные ее аспекты. Не претендуя на всеохватность, всеобъемлющее описание всех сторон жизни населения Урала в прошлом, попытаемся обосновать новый подход к изучению региональной истории в контексте истории страны, который пока не получил должного развития в современной историографии.

Становление в XV–XVII вв. российской государственности совпало по времени с присоединением к Москве восточных территорий — Урала и Сибири, — имевших конститутивное значение для оформления цивилизационного облика страны. В дальнейшем Уральский регион развивался в российском цивилизационно-государственном контексте, опираясь на цивилизационные традиции и переживая цивилизационные трансформации, что актуализирует тему регионального вклада в формирование цивилизационной сущности страны, в эволюцию цивилизационных констант государственности. Не менее важной является и другая проблема — регионального преломления цивилизационной природы страны.

Вообще, вопросы соотношения цивилизационных, страновых, региональных, локальных динамик развития (в частности, влияния, с одной стороны, общестрановых тенденций на региональное развитие, с другой — регионального фактора на общестрановую динамику исторического развития) относятся к числу важнейших в отечественной и мировой историографии.¹ Представляется, что указанные проблемы, в частности применительно к Уральскому региону в контексте истории России, можно решать на основе использования

¹ См.: Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 163–250.

Побережников Игорь Васильевич — д.и.н., зав. сектором методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: pober@r66.ru

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Урал в контексте российской цивилизации: геоэкономические, институционально-политические, социокультурные традиции и трансформации (теоретико-методологические подходы к изучению)»

структурационного подхода (само понятие «структурация» получило широкое признание благодаря работам Э. Гидденса²) и модели «центр–периферия».³

В рамках структурационного подхода историческая (социальная) реальность рассматривается как следствие организации социальных отношений во времени и пространстве в процессе постоянного взаимодействия предшествующих структур и человеческих действий. По мнению П. Штомпки, автора родственной теории структурации теории социального становления, наследие структурационного подхода можно описать посредством следующих онтологических характеристик: общество процессуально и постоянно подвержено изменениям; изменения носят эндогенный характер и приобретают форму самотрансформации; индивиды и социальные коллективы являются конечными двигателями изменений; направление, цели и темпы изменений выступают результирующей конкуренции между различными деятелями (актерами) и становятся об-

² Гидденс Э. Элементы теории структурации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 40–72; Он же. Устройство общества: Очерки теории структурации. М., 2003. Также см.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

³ «Центр–периферийная» модель широко применяется в социологических, политологических, экономгеографических, регионоведческих, исторических, культурологических исследованиях; она лежит в основании целого ряда теоретических конструкций. См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001; Он же. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006; Он же. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М., 2008; Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миросистема. М., 2003; Он же. От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М., 2010; So A. Y. Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990; Теория и методы в современной политической науке: Первая попытка теоретического синтеза. М., 2009. С. 685–729; Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991; Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза. М., 2000; Бусыгина И. М. Расширение Евросоюза с точки зрения подхода «центр — периферия» // Космополис. 2004, весна. № 1(7). С. 46–55; Алексеев В. В., Зубков К. И. Проблема «центр–периферийных» отношений в российской истории // Восточные регионы России: стратегии и практика освоения. Новосибирск, 2006. С. 18–32; Зубков К. И., Побережников И. В. Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург, 2003; Кустарев А. Конкуренция и конфликт в журналистике // Преподаватель он-лайн: http://evtush.professorjournal.ru/21/-/asset_publisher/c2xG/content/id/643149.

ластью конфликтов и противоборства; действие реализуется в контексте существующих структур, которые оно, в свою очередь, трансформирует, вследствие чего структуры выступают и как условия действий, и как их результат; взаимодействие между деятельностью и структурами происходит благодаря смене фаз творчества деятелей и структурной детерминации⁴.

Структурационный подход позволяет включить в орбиту внимания исследователей как субъективный, человеческий фактор, так и объективный, надындивидуальный контекст, который ограничивает произвол действующих в истории персонажей, устанавливает определенные рамки (структурные условия, унаследованные от прошлого), которые люди укрепляют или модифицируют своими действиями и в новом виде передают своим потомкам. Представление о диалектике структур и действий позволяет объяснять взаимодействия между общественными процессами разных уровней, в том числе между историческими макро- и микропроцессами, в частности, процессами, которые осуществляются в глобальном, цивилизационном, страновом, региональном, локальном масштабах и даже на индивидуальном уровне.

Модель «центр–периферия», ориентирующая на выявление взаимодействий центра и территорий, позволяет вписать историю региона в общестрановой контекст на партнерских правах. В рамках данной модели в качестве *центра* выступает собственно страна, воплощенная в геополитических проекциях, центральных институтах, констелляциях национальных символов, социетальных конфигурациях и т. д. *Периферия* же выступает, во-первых, как производная цивилизационно-страновых характеристик (институциональных, социальных, культурно-символических; применительно к Уралу данное обстоятельство обусловлено освоенческой природой региона, на который постепенно под контролем государственного центра распространялись страновые реалии), во-вторых, как автономное образование, обладающее своей жизнью, имеющее свою логику развития (применительно к Уралу это обусловлено уникальностью геополитической позиции региона, занимаемой им экологической ниши, соединения в региональном масштабе разнообразных ре-

сурсов, факторов; своеобразием сложившихся здесь этнокультурных, социально-экономических, институционально-политических ландшафтов; в конце концов — неповторимостью исторической траектории региона), в-третьих, как серьезный фактор развития страны (здесь особенно следует выделить исторические роли, которые играл регион в освоении смежных территорий в различные периоды времени, например Сибири — в XVII–XIX вв., Центральной Азии — в XVIII–XIX вв.; роль Урала как регионального фактора российских модернизаций XVIII–XX вв., как геополитического ресурса страны («опорный край державы») в XX в. и т. д.).

Таким образом, применение центр-периферийного подхода никоим образом не снижает значения региона, но позволяет рассматривать его как участника сложной системы взаимодействий, выступающего то в роли реципиента, то в роли донора, как воплощающего общестрановые закономерности исторического развития, так и активно их формирующего.

Изучение региональной истории на основе центр-периферийной модели предполагает ее рассмотрение в различных плоскостях (или измерениях), наиболее важными из которых представляются геоэкономическая, институционально-политическая и социокультурная.

1. *Геоэкономическое измерение.* Значимость данного измерения обусловлена той ролью, которую геоэкономический фактор играл в отечественной истории, постоянно оказывая сильнейшее воздействие на цели, механизмы и характер развития, определяя в ряде существенных моментов цивилизационное своеобразие страны и ее региональных составляющих. Известно, что именно интересы государственной безопасности и обороны, обновления военно-технического потенциала, обеспечения хозяйственной автаркии и технико-экономической независимости перманентно находились в центре государственных начинаний, обуславливая их форсированный, государственно-центричный характер.⁵ Данное измерение предусматривает выявление геоэкономической позиции региона в цивилизационно-страновом масштабе, траектории ее эволюции, политики по модификации данной позиции. В целом, геоэкономическое измерение позволяет разра-

⁴ См.: Штомпка П. Указ. соч. С. 254.

⁵ См.: Зубков К. И. Геополитическая арена российских модернизаций XVIII–XX вв. // Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу. Екатеринбург, 2011. С. 29–46.

ботать общую рамку и исторический фон для освещения прочих направлений исследования.

2. *Институционально-политическое измерение.* Важность данного измерения обусловлена значимостью в российских условиях (в условиях освоения новых территорий, модернизации) институционально-политического фактора (организация и функционирование управленческих систем для мобилизации социальных групп, институциональных практик, технологий и ценностей ради достижения общественно значимых целей), который, в целом, оказал большое организующее воздействие на формирование российской модели развития. Действие данного фактора непосредственно связано с ролью государства в присоединении, освоении и развитии восточных регионов России,⁶ в том числе и Урала. Обращение к институционально-политическим аспектам предусматривает освещение структурной организации взаимодействия институтов управления центрального и регионального уровней, основных направлений институциональной, административной интеграции региона в общестрановое пространство.

3. *Социокультурное измерение.* Уникальность региона обусловлена в конечном итоге действиями людей, которые объединяются в различные этносоциальные, профессиональные, территориальные и другие группы, образуя основы этнокультурных и институционально-политических ландшафтов, обеспечивая своими усилиями исторические процессы освоения, развития региона, формирования региональных и локальных идентичностей.⁷ При многоплановости данного измерения представляется, что акцент необходимо сделать на формирование региональных и субрегиональных сообществ, на механизмы их взаимодействий с властными структурами, на способы самоорганизации, мобилизации, самовыражения, которые так важны для регионального оформления и формирования региональной идентичности.

Исторические процессы разворачиваются во времени, что требует их обязательной хронологической разметки, установления их связей с временным измерением, т. е. периодизации. Поскольку реальный исторический процесс является многофакторным, т. е. результатом воздействия множества причин, периодизация также должна по возможности учитывать множество измерений. Формат статьи не позволяет рассмотреть буквально все влияния, но мы полагаем, что включение в орбиту внимания таких параметров, как базовые акторы освоения и развития региона (в частности, местные сообщества, колонисты, государство и т. д.); степень укоренения и размещения агентов освоения на осваиваемой территории; характер взаимоотношений центральных и региональных институтов управления; региональная структура, значимые полюса притяжения в региональном контексте; доминирующие способы освоения и регионального развития; менталитет, уже позволяет в первом приближении наметить контуры периодизации региональной истории в ее взаимосвязи с историей страны и государственности. Опираясь на концепцию центр-периферийных отношений, мы полагаем, что по мере освоения и развития региона избыщается такое его качество, как «периферийность», и нарастает значимость характеристик, сближающих его с цивилизационно-страновым «ядром».⁸

Учитывая все вышесказанное, считаем возможным в рамках нашего исследования выделить три крупных периода в истории Урала. *Первый этап* совпадает с эпохой становления Российского государства и российской цивилизации на базе Московского великого княжества на протяжении XV–XVII вв. В истории Урала это период первичной колонизации, военно-промышленной в XV — начале XVII в. и аграрной — на протяжении XVII столетия. Технологический способ производства — аграрный; социально-институциональная организация и менталитет носят традиционный характер. В данный период происходит переход от доминирования автохтонных сообществ в XV–XVI вв., от слабой дифференцированности географического рисунка расселения и хозяйства в регионе, в основном соответствующего ландшафтному рубежам, к первичной

⁶ См.: Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011; Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII — начала XX века: сб. материалов регион. науч. конф. Новосибирск, 2007; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007; Шишкин В. И. Государственное управление Сибирью в XVII–XIX веках: основные особенности организации и функционирования // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 3–10.

⁷ См.: Головинёв А. В. Оттенки этничности на Урале // Антропология социальных перемен. М., 2011. С. 429–444.

⁸ Подобный подход применительно к истории Урала недавно был предложен в работе: Артёмов Е. Т. Урал в российской истории: диалектика «центр-периферийных» отношений // Вестн. УрО РАН. 2012. № 2. В печати.

городской колонизации, к становлению сети городов — новых военно-политических центров Урала, которые размещались преимущественно на месте старых или на месте бывших столиц Сибирского ханства, реже — на месте автохтонных поселений, а также к установлению контроля над новым транзитным транспортным путем, который вел из-за Урала — от городов Великой Перми — в районы среднего Приобья и далее в бассейн Енисея.⁹ Создание в 1630–1690-е гг. в Зауралье мощного хлебопроизводящего района решило проблему продовольственного обеспечения как местных городов, так и части городского населения Сибири, подкрепило опорный статус региона для этой новоосвоенной страны. В то же время в данный период Урал по отношению к центру выступал в качестве *периферии*, зоны первичного освоения, что подчеркивалось существованием специального центрального органа регионального управления — Сибирского приказа.¹⁰

Суть *второго этапа* (XVIII в. — 1870-е гг.) составляет так называемая фронтальная модернизация,¹¹ которая в технологическом плане в основном совпадает с протоиндустриализацией (становление и развитие мануфактурной промышленности).¹² Страновым коррелятом

региональной фронтальной модернизации является имперская модернизация.¹³ Фронтальная модернизация характерна для регионов, в которых фиксируются условия незавершенного освоения. К числу ее особенностей можно отнести: большую подвижность населения, сохранившее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, особую роль военного элемента, повышенную значимость транспортного фактора, усиление разнородности в социальном, экономическом, культурном отношениях как следствие интенсификации миграционных, освоенческих потоков, причудливое переплетение традиций и новаций в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах.

На данном этапе в регионе усилиями русской администрации, принявшей в расчет местные демографические и природные ресурсы, создается сеть металлургических заводов, начинается экономическое освоение лесостепных территорий. Социально-институциональная структура и менталитет населения региона еще в значительной степени носят традиционный характер, но постепенно они модернизируются. Происходит рационализация бюрократической организации, нарастают «модерные» черты в сознании заводского и городского населения. Регион выступает в качестве *полупериферии* по отношению к центру. Пространство страны в целом становится все более однородным, но некоторые проявления региональной специфики, в частности связанные с незавершенным освоением, сохраняются. Это, например, военные черты в системе местного управления (общего и отраслевого; особенно на окраинах региона — в Оренбуржье, которым в XIX в. руководил военный губернатор или генерал-губернатор; последний пост был упразднен лишь в 1881 г. после того, как Оренбургский край утратил значение пограничного), мощные традиционные анклав в сельской местности.

На *третьем этапе* (1880-е гг. — XX в.) происходит «вращение» страны в мировую индустриальную цивилизацию, конечно своеобразное, обладающее множеством национально-страновых особенностей. Начинается

⁹ См.: Рассказов С. В. Юго-Западная Сибирь: эволюция пространственных структур общества (с XV в. до настоящего времени): дис. ... канд. геогр. наук. М., 2009. С. 37–69.

¹⁰ См.: Семенов О. В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV — первой половине XVII в. Екатеринбург, 2006.

¹¹ Концепция фронтальной модернизации обоснована автором в ряде работ: Побережников И. В. Урал в XVIII–XIX вв. (пример фронтальной модернизации) // Восьмые Татищевские чтения: докл. и сообщ. Екатеринбург, 27–28 мая 2010 г. Екатеринбург, 2010. С. 308–310; Он же. Модель фронтальной модернизации (на примере восточных регионов России в XVIII–XIX вв.) // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты: материалы межрегион. науч. конф., 30 июня–2 июля 2010 г. Новосибирск, 2010. С. 34–41; Он же. Особенности фронтальной модернизации (на примере Урала XVIII–XIX вв.) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 11. Екатеринбург, 2010. С. 202–210; Он же. Административный фактор в рамках фронтальной модернизации Сибири (XVIII — начало XX в.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI — начале XXI в.: материалы VII Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск, 2011. С. 24–29; Он же. Азиатская Россия: фронт, модернизация // Изв. УрГУ. 2011. Сер. 2: Гуманитарные науки. № 4 (96). С. 191–203.

¹² См.: Алексеев В. В. Протоиндустриализация на Урале // Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда: сб. ст. памяти Л. В. Сапоговской. Екатеринбург, 2008. С. 63–94; Курлаев Е. А., Корепанов Н. С., Побережников И. В. Техничко-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. Екатеринбург, 2011.

¹³ См.: Хорос В. Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996; Он же. В поисках ключа к прошлому и будущему (размышления в связи с книгой А. С. Ахиезера) // Вопр. философии. 1993. № 5. С. 99–111; Красильщиков В. А. и др. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994.

СХЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ УРАЛА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Параметры	Период		
	Колонизация (XV–XVII вв.)	Фронтальная модернизация (XVIII в. — 1870-е гг.)	Индустриализационный транзит (1880-е гг. — XX в.)
1) Механизмы взаимодействия региона с центром	Использование специальных центральных органов управления с региональной компетенцией (Приказ Казанского дворца; затем — Сибирский приказ)	Постепенная унификация механизмов взаимосвязи центра и региона, но при этом фрагментарное сохранение особых военизированных форм администрации (например, в Оренбуржье до 1881 г. сохранялись посты военного губернатора, генерал-губернатора)	Стандартные, унифицированные механизмы взаимосвязи центра и региона
2) Местное управление	Разнообразие форм управления и самоуправления, сохранение своеобразного локального самоуправления у проживающих на территории региона народов	Постепенная унификация системы управления, но длительное фрагментарное сохранение разнообразия форм управления и самоуправления (например, военизированное управление у Оренбургского и Уральского (Яицкого) казачества; особая военизированная кантонная система управления в Башкирии в 1798–1865 гг.)	Унификация системы управления
3) Степень освоения территории региона	Процессы колонизации (заселение, аграрно-промышленное освоение)	Фрагментарные процессы колонизации (заселение, аграрная и промышленная колонизация)	Процессы освоения завершены
4) Степень милитарности социальной структуры и ландшафта региона	Милитарность (фортификационные сооружения — крепости, остроги; большая роль в социальной структуре военно-служилого населения — служилых людей)	Фрагментарная милитарность (фортификационные сооружения; значительная роль в социальной структуре военно-служилого населения — казачества, военно-служилых этносов (Башкиро-мещерякское войско))	Гражданская социальная структура
5) Ментальность населения региона	Традиционная ментальность	Конгломератная ментальность: доминирование традиционной ментальности, но формирование анклавов ментальности «модерного» типа (горнозаводское население, образованное общество)	Ментальность современного типа (индустриального общества)

данный этап с утверждения в стране модели современного индустриального роста, для которой характерно устойчивое превышение темпов роста производства над темпами демографического роста.¹⁴ Данный этап включает несколько волн индустриализации. Так, первая волна 1880–1910-х гг. сопровождалась быстрой поляризацией экономического пространства, транспортным освоением региона; после революции 1917 г. и Гражданской войны началась вторая волна уже социалистической индустриализации 1930–1950-х гг.¹⁵ Применительно к Уральскому региону данный этап

можно предварительно определить как *индустриализационный транзит*. Благодаря этим волнам в масштабах страны регион окончательно переходит в состав *ядра*, характеризующегося технологическими, институционально-социальными, ментальными параметрами современного типа, что не исключает их национально-цивилизационного и регионального своеобразия.

Естественно, границы эпох в предложенной периодизации условны, относительно. Нередко уходящие тенденции предшествующего этапа еще длительное время сохраняются на последующем этапе. С другой стороны, обычным является формирование черт нового, характерного для наступающей эпохи, в недрах прежней эпохи. Это можно проиллюстрировать на примере перехода от второго периода к третьему.

¹⁴ См.: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003.

¹⁵ См.: Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008; Гаврилов Д. В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: избр. тр. Екатеринбург, 2005.

Так, несомненна роль Великих реформ 1860–1870-х гг. как фактора, ускорившего начало индустриализационного транзита. Институциональные перемены 1860–1870-х гг. имели большое политическое и социальное значение и способствовали постепенному переходу к капиталистической модернизации, однако их поворотное значение не следует переоценивать:¹⁶ эти преобразования не разделили столетие на два абсолютно разновекторных периода.

Во-первых, такие институциональные ограничения, как крепостное право и принудительный труд, преодолевались усилиями отдельных людей задолго до 1861 г. А к моменту падения крепостного права, например, на Урале, по мнению историка Ф. С. Горюхова, удельный вес вольнонаемной рабочей силы на горных заводах и золотых промыслах составлял 40 % (до 20–25 % — на основных заводских работах и до 80–90 % — на вспомогательных). Во-вторых, несмотря на тормозящее воздействие крепостного права, технические инновации, открывшие дорогу промышленной революции и раннеиндустриальной модернизации, также начали внедряться в промышленность до 1861 г. (так, на Урале в конце 1830-х — 1850-е гг. начали осваиваться новые способы выделки железа (пудлингование, контуазский способ), появились и стали распространяться паровые машины и водяные турбины, началось применение так называемых эллиптических печей в доменном производстве). В-третьих, нередко активизацию культурно-просветительной деятельности в стране связывают с реформами 1860–1870-х гг. Это действительно так. Однако при этом необходимо помнить, что это оживление преимущественно связано с предшествовавшей эпохой, когда на сцену общественной жизни вышел разночинец.¹⁷ В-четвертых, с одной стороны, рыночные отношения отвоевывали свою экономическую и социальную ниши еще до буржуазных реформ, а с другой стороны, последние не привели к моментальному и повсеместному внедрению в экономику рыночных механизмов хозяйствования. Элементы внеэкономического принуждения

длительное время сохранялись после отмены крепостного права. Условия освобождения крестьян надолго прикрепили их к земле, вынуждая трудиться на основе полуфеодалных «отработок». То же самое можно сказать о мастеровых Урала, прикрепленных системой «отработок» к заводам. На Урале к тому же была сохранена практически в неприкосновенности окружная система организации горнозаводского производства, крепостническая в своей основе. Сохранилось горнозаводское землевладение — основа могущества горнозаводчиков-латифундистов. Лишь землеустройство горнозаводского населения в начале XX в. серьезно его подорвало. «Несвобода» во всех ее проявлениях «выкорчевывалась» медленно, в том числе и в общественной жизни, а инерция истории в определенной степени обеспечивала континуитет исторических процессов вне зависимости от «великих» преобразований. Тем не менее, в конце XIX — начале XX в. общество и экономика, несомненно, изменились.

Итак, нами был предложен концептуальный подход к изучению региональной истории Урала в контексте истории России, истории Российского государства, базирующийся на теории структуризации и центр-периферийной модели. Смысл подхода, «чувствительного» к геоэкономическим, институционально-политическим, социокультурным измерениям, заключается в выявлении изменений характера взаимосвязей между центром и регионом, трансформации места региона в страновой структуре. На основе определенных параметров (базовые акторы освоения и развития, степень укоренения и размещения агентов освоения на осваиваемой территории, характер взаимоотношений центральных и региональных институтов управления, региональная структура, доминирующие способы освоения и регионального развития, менталитет) была разработана схема периодизации истории Урала, включающая эпохи колонизации XV–XVII вв., фронтальной модернизации XVIII в. — 1870-х гг., индустриализационного транзита 1880-х гг. — XX в. По мнению автора, на протяжении указанных эпох наблюдался процесс сложной трансформации Уральского региона в общестрановом контексте, суть которого заключается в постепенной эрозии периферийных черт и в усвоении качеств странового ядра.

¹⁶ См.: Готтрелл П. Значение Великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 106–126.

¹⁷ См.: Вульфсон Г. Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань, 1974.

Ключевые слова: Урал, Россия, государство, цивилизация, регион, центр, периферия, освоение, колонизация, протоиндустриализация, модернизация, периодизация

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural branch of RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: pober@r66.ru

THE URAL IN THE STRUCTURE OF THE RUSSIAN STATEHOOD:
PROBLEM FORMULATION

Based on the structuration theory and the center-periphery model the author has developed a theoretical approach for the study of the regional history of the Ural within the context of the Russian history. The approach requires a particular attention to the geo-economic, institutional, political and socio-cultural dimensions. Taking into account such parameters as the main actors in the territory development, the pattern of anchoring and settlement of the development agents in the developed territory, the nature of relationship between the central and the regional administration institutions, the dominant methods of settlement and regional development, as well as the mentality the author offers a system of periodization of the Ural history including three epochs: colonization of the 15th–17th centuries, frontier modernization of the 18th century — the 1870s, industrial transition of the 1880s — the 20th century. The logical meaning of the periodization is the understanding of the change in the nature of relationship between the center and the region, the transformation of the regional position in the national environment.

Key words: *Ural, Russia, state, civilization, region, center, periphery, development, colonization, protoindustrializatsiya, modernization, periodization*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Alekseev V. V. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii XVII–XX vv.: dinamika i institutsionalno-sotsio-kulturnaya sreda: sb. nauch. tr.* (The economic history of Russia in XVII–XX centuries: Dynamics and institutional and socio-cultural environment: collected papers). Ekaterinburg: UrO RAN, 2008, pp. 63–94. (in Russ.).
- Alekseev V. V., Gavrilov D. V. Moscow: Nauka, 2008, 886 p. (in Russ.).
- Alekseev V. V., Zubkov K. I. *Vostochnye regiony Rossii: strategii i praktika osvoeniya: sb. nauch. tr.* (Eastern regions of Russia: strategies and practice development: collected papers). Novosibirsk: Nauka-Tsentr, 2006, pp. 18–32. (in Russ.).
- Artemov Ye. T. *Vestnik UrO RAN* (Journal of UB RAS), 2012, (in print). (in Russ.).
- Busygina I. M. *Kosmopolis* (Cosmopolis), 2004, № 1(7), pp. 46–55. (in Russ.).
- Gavrilov D. V. Ekaterinburg: UrO RAN, 2005, 616 p. (in Russ.).
- Giddens E. Moscow: Akademicheskiiy Proekt, 2003, 528 p. (in Russ.).
- Giddens E. *Sovremennaya sotsialnaya teoriya: Burde, Giddens, Khabermas: sb. nauch. tr.* (Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas: collected papers). Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1995, pp. 40–72. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Antropologiya sotsialnykh peremen: sb. nauch. tr.* (Anthropology of Social Change: collected papers). Moscow: ROSSPYeN, 2011, pp. 429–444. (in Russ.).
- Gotrell P. *Velikie reformy v Rossii: sb. nauch. tr.* (Great Reforms in Russia: collected papers). Moscow: Izd-vo MGU, 1992, pp. 106–126. (in Russ.).
- Gregori P. Moscow: ROSSPYeN, 2003, 256 p. (in Russ.).
- Gritsay O. V., Ioffe G. V., Treyvish A. I. Moscow: Nauka, 1991, 167 p. (in Russ.).
- Kagarlitskiy B. Moscow: Izd-vo Vysshey Shkoly Ekonomiki, 2010, 677 p. (in Russ.).
- Kagarlitskiy B. Moscow: Ultra. Kultura, 2003, 528 p. (in Russ.).
- Khoros V. G. Moscow: Izd-vo “Tsentr gumanitarnogo obrazovaniya”, 1996, 170 p. (in Russ.).

- Khoros V. G. *Voprosy filosofii* (Questions of philosophy), 1993, № 5, pp. 99–111. (in Russ.).
- Krasilshchikov V. A., Ryabov A. V., Ziborov V. V. Moscow: Infomart, 1994, 115 p. (in Russ.).
- Kurlaev Ye. A., Korepanov N. S., Poberezhnikov I. V. Ekaterinburg: Izd-vo BKI, 2011, 206 p. (in Russ.).
- Kustarev A. Available at: http://evtush.professorjournal.ru/21/-/asset_publisher/c2xG/content/id/643149
- Poberezhnikov I. V. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost: sb. nauch. tr.* (Document. Archive. History. Modernity: collected papers). Ekaterinburg: izd-vo Ural. un-ta, 2010, pp. 202–210. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. *Izvestiya UrGU* (Proceedings of the USU), 2011, № 4(96), pp. 191–203. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. *Problemy istorii gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya Sibiri v kontse XVI — nachale XXI v. Materialy VII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* (The problems of the history of state and local government in Siberia in the end XVI — early XXI century: Proceedings of the VII All-Russian Scientific Conference). Novosibirsk, 2011, pp. 24–29. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. *Stanovlenie industrialno-urbanisticheskogo obshchestva v Uralo-Sibirskom regione: podkhody, issledovaniya, rezultaty: Materialy mezhhregionalnoy nauchnoy konferentsii* (The establishment of industrial and urban society in the Ural-Siberian region: approaches, research results: Materials of interregional scientific conference). Novosibirsk, 2010, pp. 34–41. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. *Vosmye Tatishchevskie chteniya* (Eighth Tatischevskie reading). Ekaterinburg, 2010, pp. 308–310. (in Russ.).
- Rasskazov S. V. *Yugo-Zapadnaya Sibir: evolyutsiya prostranstvennykh struktur obshchestva (s XV v. do nastoyashchego vremeni): dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata geograficheskikh nauk* (South-Western Siberia: the evolution of spatial structures of society (from the XV century to date): thesis for the degree of Candidate of Geographical Sciences). Moscow, 2009, 142 p. (in Russ.).
- Regionalnoe razvitie: opyt Rossii i Yevropeyskogo Soyuza* (Regional development: the experience of Russia and the European Union). Moscow: Ekonomika, 2000, 435 p. (in Russ.).
- Repina L. P. Moscow: “Krug”, 2011, 560 p. (in Russ.).
- Rol gosudarstva v khozyaystvennom i sotsiokulturnom osvoenii Aziatskoy Rossii XVII — nachala XX veka: sb. materialov regionalnoy nauchnoy konferentsii* (The role of government in economic and socio-cultural development of the Asian Russia XVII — beginning of XX century: Sat Materials Regional Conference). Novosibirsk: RIPEL plyus, 2007. (in Russ.).
- Rossiyskaya imperiya: ot istokov do nachala XIX veka. Ocherki sotsialno-politicheskoy i ekonomicheskoy istorii* (The Russian Empire, from its origins to the early XIX century. Essays on the socio-political and economic history). Moscow: Russkaya panorama, 2011, 880 p. (in Russ.).
- Semenov O. V. Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, 2006, 291 p. (in Russ.).
- Shishkin V. I. *Problemy istorii mestnogo upravleniya Sibiri XVI–XX vv.: sb. nauch. tr.* (Problems in the History of local government in Siberia XVI–XX centuries: collected papers). Novosibirsk: izd-vo NGU, 1998, pp. 3–10. (in Russ.).
- Shtompka P. Moscow: Aspekt-Press, 1996, 416 p. (in Russ.).
- Sibir v sostave Rossiyskoy imperii* (Siberia in the Russian Empire). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007, 368 p. (in Russ.).
- So A. Y. Newbury Park, CA: Sage Publishers, 1990, 178 p. (in English).
- Teoriya i metody v sovremennoy politicheskoy nauke: Pervaya popytka teoreticheskogo sinteza* (Theory and methods in contemporary political science: First attempt at a theoretical synthesis). Moscow: ROSSPEN, 2009, 751 p. (in Russ.).
- Vallerstajn I. Moscow: KMK, 2008, 176 p. (in Russ.).

Vallerstajn I. Moscow: Territoriya budushchego, 2006, 248 p. (in Russ.).

Vallerstajn I. St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 2001, 416 p. (in Russ.).

Vulfson G. N. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 1974, 352 p. (in Russ.).

Zubkov K. I. *Modernizatsiya v tsivilizatsionnom kontekste: rossiyskiy opyt perekhoda ot traditsionnogo k sovremennomu obshchestvu: sb. nauch. tr.* (Modernization in the context of civilization: the Russian experience of transition from traditional to modern society: collected papers). Ekaterinburg: Izdatelskiy Dom "IzdatNaukaServis", 2011, pp. 29–46. (in Russ.).

Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V. Ekaterinburg: Izd-vo AMB, 2003, 93 p. (in Russ.).